

Молодёжную просветительскую НКО вынуждают зарегистрироваться как «иностранный агент» из-за трёх восклицательных знаков.

«Скрытые призывы к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации заключаются во многократном требовании "свободы" и требовании "прав"», — такой вывод эксперта-лингвиста лежит в основе дела против авторов «Молодежной правозащитной газеты», которое тянется с начала года. Вопреки позиции Минюста мурманская прокуратура пытается принудить НКО «Гуманистическое движение молодежи» зарегистрироваться в качестве иностранного агента. После длительного перерыва новое заседание суда назначено на 12 ноября.

ГДМ — это региональная некоммерческая молодежная организация, основанная в 2003 году. В качестве цели в документах НКО значится популяризация гуманистических ценностей: толерантности, солидарности, интернационализма, свободы личности, ненасилия. Сейчас, по словам зампреда правления Татьяны Кульбакиной, в «Гуманистическом движении молодежи» формально числятся 18 человек: «Много тех, кто просто поддерживает и не записан в организацию. Когда проходят большие мероприятия, много кому интересно потусоваться, помочь, но всяческие там общие собрания им не очень интересны».

Мурманское «Гуманистическое движение» существует, в основном, на иностранные гранты: от фонда Розы Люксембург, Совета министров северных стран и так далее. Впрочем, местная администрация тоже активистов поддерживала: Комитет по делам молодежи выделял помещения и небольшие суммы на фестиваль «Диалог культур», помогал разместить приезжих участников в общежитиях. «Как у организации у нас не было конфронтации с местными властями, даже совсем наоборот. Есть грамота от Мутко за всякую культурную деятельность», — говорит Кульбакина в беседе с корреспондентом «РП».

В феврале 2013 года ГДМ запустило «Молодежную правозащитную газету» на грант фонда по правам человека при Генеральном консульстве Нидерландов. «Хотели делать полноценную публикацию, потому что понимали, что в правозащитной среде нормально, красиво, так, чтобы хотелось взять потрогать, почитать, практически никто не делает», — говорит Кульбакина. Когда в апреле 2014 года в городе появился последний, 12-й выпуск журнала, руководство НКО вызвали в суд. «Газета мертва, но дело её живет», — усмехается правозащитница.

21 апреля руководителя ГДМ Жанну Пономаренко пригласили в прокуратуру Первомайского округа Мурманска для дачи объяснений. Оказалось, что еще в июле 2013 года местный Центр «Э» заказал филологу Ларисе Горбань «научно-консультационное исследование» первых пяти выпусков «Молодежной правозащитной газеты», а затем передал материалы в прокуратуру. Проверяя тексты и иллюстрации на экстремизм, эксперт неожиданно пришла к выводу, что «Гуманистическое движение молодежи» занимается политической деятельностью и, таким образом, является «иностранном агентом».

«На правовые вопросы в любом судебном процессе отвечает только судья. Мое субъективное мнение заключается в том, что в данном случае эксперт явно вышел за пределы собственной компетенции и отвечал, в том числе, на правовые вопросы, на которые он не имеет полномочий отвечать», — пояснил РП председатель межрегиональной ассоциации правозащитных организаций Павел Чиков, не являющийся стороной в процессе ГДМ. По словам юриста, ключевое значение имеет позиция судьи: «Если есть решение суда — если суд счёл возможным положить в

основу такое исследование — значит, с точки зрения суда, всё соответствует процессуальным требованиям».

Впрочем, в апреле Пономаренко пришлось давать помощнику прокурора объяснения по совсем другому вопросу: в третьем выпуске «Молодежной правозащитной газеты» всё же нашелся «экстремизм»: колонка против религиозного фундаментализма сопровождалась фотографией топора, украшенного надписью, внесённой Минюстом в список экстремистских материалов под номером 865 по решению Черёмушкинского суда Москвы.

7 мая прокуратура подала в суд гражданский иск против ГДМ. Предметом разбирательства на этот раз оказался не злосчастный топор (он, впрочем, в тексте заявления упоминается — вероятно, для солидности), а политическая деятельность, которую нашла в газетах организации филолог Горбань. Третьей стороной в деле прокурор Первомайского округа сразу указал местное управление Минюста.

Прокурор требовал от «Гуманистического движения молодежи» зарегистрироваться в качестве «иностранный агента». «Прокуратура не имела полномочий на проверку, и мы чётко эту позицию объясняли в суде: это прерогатива Министерства юстиции», — настаивает юрист организации Александр Передрук. Минюст свою работу выполнил ещё 17 марта и за ГДМ никаких нарушений не обнаружил, о чем и сообщил суду. «Более того, обращение, из которого исходила прокуратура при проверке, не касалось соблюдения законодательства об НКО. Закон четко определяет, что прокуратура может проводить проверку только по тем сведениям, которые есть в ее распоряжении, у неё нет полномочий выходить за эти пределы», — поясняет Передрук.

В подобном иске прокуратуры, по словам Павла Чикова, ничего необычного нет: понуждать к записи в реестр она начала ещё год назад с правозащитного центра «Мемориал» в Санкт-Петербурге. Однако в нынешнем июне ситуация изменилась. «Были внесены поправки — так называемый закон Лугового, который ввёл процедуру принудительного включения в реестр Министерством юстиции. Соответственно, если Министерство юстиции принудительно включает, прокуратура теряет какую бы то ни было возможность что-то от кого-то требовать. Если есть процедура принудительного включения в реестр, то какой смысл обязывать организацию предпринять какие-то действия через суд? Достаточно обратиться в Минюст, и Министерство юстиции примет это решение», — объясняет председатель «Агоры».

Но дело против ГДМ продолжается вопреки позиции Минюста. «Получается, что прокуратура через суд пытается принудить не организацию, а Минюст», — делает вывод юрист.

В основе иска прокуратуры лежит уже упомянутое «научно-консультационное исследование» кандидата филологических наук Ларисы Горбань. В нем автор рассуждает об исторической значимости массовых беспорядков в Краснодаре в 1961 году и в казахстанском Жанаозене в 2011-м, техниках рекламы и канонов журналистики, приравнивает критику «Единой России» к призывам, направленным против российской государственности, критику полицейского насилия — к призывам препятствовать законной деятельности правоохранительных органов. Требования свободы и прав уравниваются с призывами к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации — особенно когда сопровождаются тремя восклицательными знаками.

Защита в ответ заказала экспертизу политологу из Санкт-Петербургского Государственного Университета. Её суд тоже приобщил, но в итоге решил заказать третью — в центре при Минюсте

в Санкт-Петербурге. А потом и четвертую — в Воронежском центре судебной экспертизы. «В августе нас якобы пригласили на заседание (но мы не получали никаких уведомлений или повесток), и 1 сентября суд состоялся без нас, при том в новом составе. Менять судью в рамках гражданского процессуального кодекса можно только при некоторых обстоятельствах, и при смене состава суд должен слушать дело заново. Мы можем только догадываться, что там происходило, но, по-видимому, было решено направить материалы на новую экспертизу. Сделали в Петербурге экспертизу или нет — непонятно. Может быть, сделали, но она не удовлетворяла прокуратуру», — рассказывает Передрук. Вместе с материалами дела в Воронеже оказалась и единственная копия протокола «тайного» заседания 1 сентября.

Пропадали не только материалы, но и участники процесса: первый судья ушел в отпуск, второй уехал на обучение. Ранее в суд не удалось вызвать эксперта Горбань — она исчезла из города. По одной версии — уехала после неких угроз в её адрес, по другой — тоже отправилась в отпуск. После первого заседания прокурора Первомайского округа, по словам Александра Передрука, сменила помощник Вероника Панова. Она же, судя по документам, брала объяснения у Пономаренко в апреле, и ей приемная прокуратуры переадресует звонки с вопросами о деле ГДМ. Однако «Русской Планете» прокомментировать позицию истца Панова отказалась, заявив, что недавно вернулась из отпуска и не участвовала в этом процессе.

Наконец, в конце октября из Воронежа вернулась новая экспертиза. Судя по поставленным вопросам, на этот раз от лингвиста сразу требовали искать признаки политической деятельности, и он их нашёл. По мнению эксперта, если текст имеет «политическую направленность», то опубликовавшая его организация занимается политической деятельностью, тем более, если он содержит такие «специальные языковые средства», как эпитеты и метафоры и написан в публицистическом стиле.

Правозащитник Павел Чиков в деле ГДМ видит лишь проявление общей тенденции. «Понятно, что все эти судебные процессы, связанные с применением закона об иностранных агентах, исключительно политизированные, и судьи либо манипулируемы извне, либо просто откровенно боятся принимать какие-то решения независимо. Элементарно они понимают, в чём суть, кто инициатор, и понимают, что это спор между организацией и государством. А то, что у нас все судьи крайне прогосударственные, это общеизвестный факт. Поэтому всё так и происходит. Не стоит искать какую-то особенность внутри этого процесса или этих доказательств. Все гораздо шире и прозаичней», — считает юрист.

Подробнее <http://rusplt.ru/society/emotsionalnyiy-vopros-13859.html>